

-К

ак полноправный гражданин и налогоплательщик, — предупредил я сухо, — по завершении этого варварского вторжения я потребую, чтобы моя собственность, безжалостно разрушенная вашими неоправданными действиями, была восстановлена в ее первоначальном виде. С точностью до миллиметра!

— Ну, насчет этого волноваться не стоит, мистер Уоррен, — усмехнулся Литтлер, сержант уголовной полиции. — Городские власти, уверяю вас, приведут все в полнейший порядок. Вне зависимости от того, найдем мы что-то или нет... — добавил он многозначительно.

Под этим «что-то» Литтлер, конечно, подразумевал труп моей жены. До сего момента его не обнаружили.

— Тогда уж им придется попотеть, сержант! Ваши вандалы перелопатили весь сад не хуже экскаватора. Газон перед домом превратился в настоящую пашню! Сам дом чуть не разобрали по кирпичикам... и смотрите, смотрите!.. Это они что, отбойный молоток потащили в подвал?

Посиживая за кухонным столом, Литтлер спокойненько попил кофе. А еще он упивался уверенностью в своем успехе. Пока что...

— Общая площадь Соединенных Штатов составляет 3 026 789 квадратных миль, это включая водное пространство...

Сержант, несомненно, приберегал специально заученные им цифровые данные для подобных okazji.

— Это вместе с Гавайскими островами и Аляской? — сыграл я наивного простака.

Мой сарказм не возымел успеха.

— Думаю, их можно исключить, — сохранил хладнокровие Литтлер. — Итак, общая площадь Соединенных Штатов составляет 3 026 789 квадратных миль, считая все горы и долины, города и сельскую местность, пустыни, водоемы... Однако женоубийцы, — как поговору, — постоянно и упорно прячут трупы на своих собственных участках.

«Бесспорно, это наилучший из всех возможных вариантов, — согласился я мысленно. — Похоронишь ее где-нибудь в лесу, так на могилку обязательно припрется отряд бойскаутов, начнут копать червей для рыбалки...»

— И что, обширный у вас участок? — осведомился с ехидной улыбкой Литтлер.

— Сто пятьдесят футов на шестьдесят... Вы что же, думаете, я для того годами ишачил, не разгибая спины, чтобы мой сад в конце концов завалили грудями глины? Ваши кроты уже до подпочвенного слоя добрались! Видите желтые полосы и бугры? Это же глина и песок!

Сержант Литтлер торчал здесь уже два часа и все еще был убежден в своей правоте.

— Я полагаю, мистер Уоррен, у вас есть более серьезный повод для беспокойства, чем загубленный сад...

Окно кухни вышло на задний двор, и мне хорошо было видно, с каким старанием присланные муниципалитетом работники — человек восемь их насчитывалось, или даже десять — роют там под надзором полиции глубокие траншеи.

— Мы ведь ребята очень дотошные, — напомнил сержант, поглядывая на усердных копачей. — Возьмем на анализ даже копоть из трубы... золу из топки просеем через мелкое сито...

Пришлось его разочаровать:

— Я обогреваю дом жидким топливом... Хотите еще кофейку? И повторяю вам: жены своей я не убивал. Поверьте, сам диву даюсь, куда она могла бы...

Литтлер потянулся за сахаром.

— Чем же вы объясните ее отсутствие?

— Не собираюсь я ничего объяснять! Эмили... она просто ночью уложила чемодан и... скрылась. Ведь вы же сами обратили внимание, — из женских вещей в шкафу, считай, ничего не осталось...

— Откуда мне знать, что у нее вообще было из одежды? — пожал плечами Литтлер и взял со стола фотографию моей благоверной, мною же и предъявленную. — Извините, — сказал он, приглядевшись, — не хочу выглядеть бестактным, но... Что заставило вас на ней жениться?

— Любовь, конечно же!

Явную смехотворность этого заявления отметил даже полицейский сержант. Он не поверил.

— Ваша супруга была застрахована на десять тысяч долларов, правильно? И страховку, в случае чего, получите вы?

— Да.

Кончина Эмили, разумеется, была обусловлена и этим фактором, однако главным мотивом он не являлся. Если честно, я избавился от жены потому, что просто не мог больше терпеть ее рядом с собой.

Не стану утверждать, что женился я в приступе огненной страсти. Мой характер устроен иным образом. Пожалуй, я связал себя узами брака, поддавшись стадному чувству вины: по общепринятому мнению, слишком уж затянулась моя холостяцкая жизнь...

Я тогда был старшим бухгалтером в компании «Маршалл пейпер продактс», а Эмили стучала там целыми днями на пишущей машинке без какой-либо перспективы устроить свою семейную жизнь.

Невзрачная, пришибленная тихоня, которая не умеет правильно одеваться, беседовать может только о погоде, а интеллект развивает, читая через день местную газетку...

Короче, она была идеальным выбором для мужчины, считающего, что в основе брачных отношений должна лежать договоренность, а не романтизм.

Однако просто диву даешься, с какой скоростью, получив свидетельство о браке, эта невзрачная, пришибленная тихоня, — от которой надо бы ждать, по меньшей мере, благодарности, — превращается в законченную мегеру!

— Вы нормально ладили с женой?

Какое там нормально!

— Ну, изредка случались разногласия... А у кого их нет?

Однако сержанта снабдили более подробной информацией:

— А вот соседи ваши показывают, что вы с ней почти все время грызлись.

Под этими соседями он имел в виду, конечно же, Фреда и Вильму Триберов. Поскольку мой участок угловой, в непосредственной близости к нему расположен только их дом. Сомневаюсь, чтобы крики Эмили долетали до Моррисонов, — с ними нас разделяет сад и еще переулок... Хотя возможно и такое: набравши вес, она и орать стала куда громче прежнего.

— Триберы чуть ли не каждый вечер слышали ваши перебранки...

— Ага! Всякий раз, когда у самих уже не оставалось больше сил собачиться... Да и врут они! Я сам так вообще никогда голоса не повышаю...

— В последний раз вашу жену видели в пятницу вечером, в половине седьмого. Она входила в этот самый дом...

Да, она приперлась из супермаркета со всегдашними полуфабрикатами и мороженым. Это был ее единственный вклад в кулинарное искусство. Завтрак я себе готовил сам, обедать ходил в столовую, а вечером ел какую-нибудь гадость, разогревая ее сорок минут в духовке при температуре 350°.

— Это был последний раз, когда *кто-то еще* ее видел. А я в последний раз видел ее позже, когда ложился спать. А когда утром проснулся, обнаружил, что она куда-то делась. Вместе с вещами...

В подвале загрохотал отбойный молоток: долбили бетонный пол. Шум стоял такой, что я был вынужден прикрыть дверь черного хода.

— И кто же это видел Эмили в последний раз? Я хочу сказать, кроме меня...

— Мистер и миссис Трибер.

Вильма Трибер и моя супружница кое в чем были схожи. Две толстенные тетki с бешеным норовом и недоразвитым умишком. А сам-то Фред — он и росточком не вышел, и глаза у него всегда как бы на мокром месте — то ли по слабости характера, то ли в силу семейных тренировок... Но в шахматы он играет прилично, и все восторгается моей врожденной твердостью, которой сам лишен начисто.

— А в полночь, — продолжил сержант Литтлер, — Фред Трибер услышал крики загадочного свойства... и доносились они из вашего дома.

— Загадочного свойства?

— Точно так он и сказал. Это его слова.

— Фред Трибер — трепло! — припечатал я слабака-соседа. — А хозяйка его, она тоже что-то такое слышала?

— Нет, она, по ее собственному признанию, уж если заснет, то хоть из пушек стреляй... Но вот мистера Трибера эти крики разбудили.

— А Моррисонов они тоже разбудили, эти так называемые крики?

— Нет... У них сон тоже очень крепкий... да и расстояние до их дома довольно большое. А до Триберов-то рукой подать, может, всего пятнадцать футов и есть...

Литтлер заботливо набил табаком трубку.

— Фред хотел было растолкать жену, но потом передумал. Она, по всей видимости, особа раздражительная... Но уснуть он все же так и не смог. А потом, в два часа ночи, услышал еще какие-то звуки, выглянул в окно и увидел, как вы копаетесь в саду. Луна светила ярко... Все же он набрался храбрости и разбудил супругу, и они уже вдвоем за вами наблюдали.

— Шпионы несчастные! Это, значит, вы от них получили сигнал?

— Да. А зачем вам понадобился такой большой ящик?

— Поменьше не смог отыскать. Но как бы то ни было, на гроб он все же размерами не тянет...

— Вот над этим фактом миссис Трибер всю субботу и размышляла. Ну, а когда вы сообщили, что ваша жена якобы отправилась путешествовать и вернется неизвестно когда, она пришла, наконец, к выводу, что вы... э-э... применив определенные усилия, сделали труп более компактным и зарыли уже в таком виде.

Я подлил себе кофе.

— Ну, и что же вы отыскиали?

Тут он несколько смутился:

— Дохлую кошку...

Я кивнул:

— Так что моя вина состоит в том, что я похоронил кошку?

— Вы же уклонялись от прямого ответа, мистер Уоррен, — напомнил он с ухмылкой. — Сперва говорили, что вообще ничего не закапывали...

— Я счел, что вас это вообще не касается.

— А когда мы нашли кошку, вы заявили, что она умерла естественной смертью...

— Так мне тогда и показалось.

— Кошка эта принадлежала вашей жене, и кто-то размозжил ей голову. Это было очевидно.

— Не имею привычки разглядывать дохлых животных...

Он попытался трубить.

— По моему предположению, убив жену, вы также избавились и от кошки. Вероятно, чтобы ее присутствие не напоминало вам лишний раз о содеянном... Или, возможно, вы боялись, что она, приметив, где было зарыто мертвое тело ее хозяйки, может навести на это место людей...

— Ох, да ладно вам, сержант!

Он покраснел.

— Ну, ведь известно, что животные часто скребут землю там, где похоронены их хозяева. Правда, обычно это делают собаки, надо признать... Но вдруг и кошка поведет себя так же?

Вообще-то, да, и мне эта мысль не давала покоя: вдруг и кошка так себя поведет?

Литтлер какое-то время прислушивался к лязгу и грохоту отбойного молотка.

— Когда к нам поступает заявление о пропаже человека, — прервал он паузу, — мы, как правило, первым делом распространяем листовки с описанием его примет... Потом какое-то время ждем. Обычно через неделю, ну, или пару недель, беглецы возвращаются домой. Как только деньги у них заканчиваются...

— Так что же вам, скажите Бога ради, мешает точно так же вести себя и сейчас? — задал я вполне резонный вопрос. — Я уверен, что пройдет...

ну, несколько дней, — и Эмили вернется. По моим прикидкам, у нее с собой... где-то сотня долларов. И она сама себя содержать не умеет, никогда и не стремилась. Такая независимость ее даже пугает... смертельно пугает.

Он слегка обнажил зубы:

— В данный момент мы имеем исчезнувшую женщину, человека, который слышал крики и двух свидетелей таинственных похорон в саду при лунном свете — то есть, все признаки преступления. В подобных случаях нельзя тратить время на ожидание.

Мне тоже нельзя было терять времени. Ведь мертвое тело не может вечно оставаться нетленным. Потому и пришлось прикончить кошку и устроить ее похороны при свидетелях. Но сержанту я ответил кисло:

— И вы, значит, немедленно хватаете лопаты и бежите разрушать частную собственность подозреваемого? Предупреждаю: после вашего ухода с моего земельного участка каждый камушек, каждый кирпичик... веточка травинка, даже песчинка — все должно быть на своем, на прежнем месте, где оно находилось до вашего налета. Иначе я подам на вас в суд!

Литтлер был спокоен как слон.

— Кроме того, у вас в гостиной, на ковре, обнаружено кровавое пятно.

— Это моя кровь, я вас уверяю. стакан разбил нечаянно, вот и порезал руку...

Я еще раз показал ему подживающую рану. И снова никакого впечатления на него это не произвело.

— Это вы нарочно сделали, чтобы сбить с толку следствие, — возразил он. — Намеренное самокалечение...

Конечно, он был прав. Но это пятно на ковре мне позарез было нужно, на тот случай, если не хватит других деталей, подсказывающих полиции, в каком направлении следует двигаться.

Я выглянул в окно и увидел Фреда Трибера. Он стоял, опершись на разделяющую наши владения изгородь, и с интересом наблюдал за процессом уничтожения моей усадьбы.

— Пойду, потолкую с этой тварью... — сказал я, поднимаясь на ноги. Литтлер последовал за мной во двор.

Лавируя между курганами чернозема, перемешанного с глиной и песком, я подошел к забору.

— И ты называешь это добрососедскими отношениями?

Фред Трибер в ответ нервно сглотнул слюну.

— Слушай, Альберт... я ведь не по злобе... У меня и в мыслях не было тебя подставить... Я про тебя ничего такого и не подумал, но ты же знаешь Вильму, она себе такого навоображала...

Я пронзил его взглядом:

— С этого дня — все! Больше никаких шахмат! Поищи себе другого партнера...

Отвернувшись от соседа, я снова принялся обрабатывать сержанта:

— И все-таки скажите, что вселяет в вас такую незыблемую уверенность? Почему вы думаете, что я именно здесь спрятал жену? Якобы убитую...

Литтлер вынул трубку изо рта:

— Машина... В пятницу вы заезжали на автозаправку Энгла, что на Мюррей-стрит. Это было в пять тридцать вечера. Смазка, замена масла в двигателе... Потом работник налепил на дверцу стикер, на котором обыч-

но отменяют время завершения обслуживания и показания спидометра на тот момент. После этого пробег вашей машины составил меньше одной мили... Если быть точным, всего восемь десятых мили, что соответствует расстоянию от заправки до вашего гаража.

Он победно улыбнулся:

— Другими словами, вы сразу отправились домой. По субботам вы не работаете, а сегодня воскресенье... Значит, начиная с вечера пятницы, ваша машина оставалась на месте.

Я рассчитывал, что полицейские заметят эту наклейку. А нет — так я нашел бы способ привлечь их внимание...

Моя улыбка была тонкой:

— У нас тут рядом пустырь... Вам не приходило в голову, что я мог бы отнести ее туда?

Литтлер снисходительно хехекнул:

— Ближайший пустырь находится в четырех кварталах отсюда. Вряд ли вам удалось бы даже ночью преодолеть эту дистанцию незаметно. Тащить на себе мертвое тело по улице? Слишком большой риск.

Трибер, наслаждавшийся видом моей бывшей клумбы, повернулся к нам:

— Альберт, раз уж твои георгины все равно выкопали, может, ты мне уступишь несколько «Гордон пинкс»? А я тебе за них дам свои «Амбер голиатс»...

Я молча повернулся на каблуках и двинулся к дому.

День клонился к вечеру, обнадеживающих донесений все не поступало, и по лицу сержанта можно было легко догадаться, что уверенность его постепенно тает.

С наступлением сумерек, в половине седьмого, замолчал отбойный молоток. В кухню вошел еще один сержант, Чилтон. Он выглядел усталым, голодным и удрученным. Форменные брюки были вымазаны глиной.

— В подвале ничего нет. Абсолютно ничего.

Литтлер стиснул зубами мундштук трубки.

— Вы уверены? Везде проверили?

— Голову даю на отсечение, — сказал Чилтон. — Если бы труп был где-то здесь, мы бы его нашли. В саду ребята тоже закончили...

Литтлер посмотрел на меня в упор:

— Я знаю, что вы убили жену. Я это чувствую.

Когда нормально мыслящий, умный человек апеллирует к своим инстинктам, в нем проглядывает что-то жалкое. Однако в данном случае он не ошибался.

— Наверное, приготовлю сегодня на ужин печенку с луком, — помечтал я с удовольствием вслух. — Сто лет уже не ел...

Со двора зашел полисмен и обратился к Литтлеру:

— Сержант, я тут поговорил с этим парнем, что живет по соседству... с Трибером, да...

— Ну, и?.. — нетерпеливо вскинулся Литтлер.

— Он вспомнил, что вот, мистер Уоррен... Короче, у него в округе Байрон имеется загородный коттедж на берегу озера.

Я чуть не выронил из рук пакет с печенкой, который только что вынул из морозилки. Ну, Трибер! Ну, болтун! Ну, идиот!

Глаза у Литтлера сделались круглыми, как блюдца. Настроение его сразу переменялось, и он радостно захвохтал:

— Хо-хо-хо-хо!.. Вот оно! Вот! Они *всегда, всегда* хоронят трупы на своей же территории!

Должно быть, я побелел.

— Не смейте трогать тот участок! Ни одного фута — не смейте! Я, когда его купил, еще две тысячи долларов вбухал, чтобы там порядок навести! И я не допущу, чтобы ваши усердные дебилы и там все раскурочили!

Сержант Литтлер расхохотался:

— Чилтон, съездите за прожекторами, а ребятам скажите, пусть собирают инструменты. А вы давайте, — повернулся он ко мне, — рассказывайте, как лучше добраться до вашего маленького прибежища. Есть короткая дорога?

— Я вообще отказываюсь говорить. Вы же знаете, не мог я там... Забыли про спидометр? Машина не выезжала из гаража с самой пятницы...

Этот довод не послужил ему препятствием.

— Спидометр вы могли и скрутить. Итак, где именно расположен ваш коттеджик?

Я скрестил руки на груди:

— Не скажу.

Литтлер осклабился:

— Не тяните время, это бесполезно. Или вы планируете смотаться туда тайком, откопать ее и перепрятать?

— Ничего подобного я делать не собираюсь. Просто пользуюсь конституционным правом на молчание...

Литтлер по моему телефону связался с властями графства Байрон, и через три четверти часа он уже знал точное местоположение моего загородного дома.

— А теперь слушайте! — повысил я голос, когда он, наконец, положил трубку. — Того, что вы сотворили с этим моим участком, там вы повторить не сможете! Я сейчас же позвоню мэру и добьюсь вашего увольнения!

Литтлер был в прекрасном расположении духа, только что ладони не потирал.

— Чилтон, позаботьтесь о том, чтобы завтра сюда подогнали команду... Пусть наведут марафет.

Он двинулся к двери, а я, наступая ему на пятки, трещал прямо в ухо:

— Каждый цветочек... каждую былинку... или я на вас наущу своего адвоката!

Полакомиться печенкой с луком этим вечером мне так и не удалось.

В одиннадцать тридцать в дверь черного хода тихонько постучали. Пришлось идти открывать.

— Ты уж извини... — покаянно произнес Трибер, потупившись.

— Какого лешего ты им разболтал про мой коттедж? Или тебя кто за язык тянул?

— Да мы просто так стояли, разговаривали, ну и у меня как-то нечаянно вырвалось...

Я с трудом сдерживал ярость.

— Они же там все вверх дном перевернут! Все изгадят! После того, как мне, в конце концов, удалось привести в божеский вид газон, черт бы его побрал!..

Бешенство меня так и душило, однако мало-помалу я все же взял себя в руки.

— Твоя-то как? — спросил я уже почти спокойно. — Поди, уснула?

— Дрыхнет, — кивнул Фред. — До утра сама не проснется, не бывало еще такого...

Я взял шляпу, накинул плащ, и мы с Трибером пошли к нему в подвал.

Мертвое тело, накрытое большим лоскутом брезента, лежало в прохладном углу. Я еще заранее прикинул, что это будет самое для него подходящее место. Вильма здесь, если и появляется, то лишь в те дни, когда затевает серьезную стирку.

Мы с Фредом перетащили покойницу в мой дом и спустили тоже в подвальное помещение. Там словно танковое сражение отгремело, такой царил раскардаш...

Бросив труп в самую глубокую воронку, мы поплевали на ладони и взялись за лопаты. Вскоре Эмили была погребена под полуторафутovým слоем глины и густой грязи. Для достижения нашей цели этого было вполне достаточно.

Фред выглядел несколько взволнованным.

— Ты уверен, что ее не отыщут? — спросил он боязливо.

— Конечно. Если хочешь что-нибудь надежно спрятать, всегда клади это в том месте, где уже искали. Завтра подъедет бригада, заровняют ямы, по новой забетонируют пол...

Мы поднялись наверх и прошли в кухню.

— Целый год мне придется ждать... — затосковал Фред.

— Непременно. С огнем шутки плохи... Вот пройдет двенадцать месяцев или около того, — и пожалуйста, можешь ее грохнуть, а мой подвал к твоим услугам на время обыска...

Трибер вздохнул:

— Рядом с Вильмой этот срок будет долгонько тянуться... Но ничего не поделаешь: жребий мы тянули честно, и везунчиком оказался ты...

Он прочистил горло, взглянул несмело:

— Ты ведь на самом деле не всерьез это сказал, верно, Альберт?

— Что именно?

— Ну, что ты больше никогда со мной в шахматы играть не будешь...

Я представил себе, что в данный момент творится в моем загородном доме, а также вокруг него, и едва не поддался мучительному искушению сказать Фреду, что — да, я грозился вполне серьезно.

Но уж такой у него был жалкий, такой сокрушенный вид...

— Да нет, наверное... — вздохнул я.

Он так и просиял:

— Тогда я сбегаю за доской!